

Геннадий
БОРТНИКОВ

НЕ ВЕЗЛО в жизни. Я стал великих актеров, игравших на сцене Театра Моссонета. Сценическая судьба свела меня с Фаиной Георгиевной Раневской и Верой Петровной Марецкой. С Раневской мы играли и в «Дядюшкином сне», и в «Последней жертве». В «Дядюшкином сне» я играл роль учителя, а Фаина Георгиевна — Москалеву. В этом спектакле было занято очень много женщин; играла неистовая Серафима Бирман, которую Раневская называла «приму-сом в степи», играла Варвара Сошальская...

Раневская перед репетицией почувствовала себя неважно. Режиссер попросил Сошальскую подменить Фаину Георгиевну. И вот мой монолог закончился, черный бархатный занавес должен быстро подняться, обнажив место действия. И надо же было «верховому» не вовремя нажать кнопку бобины, на которую накручивался этот бархат!.. Занавес дернулся. Сошальская, которая изображала Раневскую, стояла на этом, чуть загнута бархате. Туфли на шпильках, шпилька проткнула бархат, и Варвару Владимировну стало поднимать вверх на колосники. Актриса тихо повизгивала, все, кто был в зале, замерли. Бархат трещит, столбы пыли в лучах направленного света... И вдруг из зала раздается голос Раневской, обращающейся к режиссеру: «Голубчик, прости, но этого повторять я не буду, это чистая мейерхольдовщина!»

Однажды мы вместе с Фаиной Георгиевной застряли в театральном лифте. Ну, просидели там какое-то время, и лифт двинулся вниз, где нас уже встречали взволнованные артисты: как вы там? не страшно ли было? не жарко ли?.. И вдруг Фаина Георгиевна резко отскакивает от меня в сторону, прижимается к стене.

О ПРОШЛОМ — ВЕСЕЛО

Игры великих

Общая газ. - 1995 - 21 дек. - с.15

«Фаина Георгиевна, что такое, вам плохо?» — «Нет, — говорит мне Раневская. — Просто мы с вами так долго были вместе, что я теперь скомпрометирована. Вы, Гена, должны немедленно на мне жениться!..»

Про Фаину Раневскую расскажу еще историю.

У Фаины Георгиевны была домработница, звали ее Нюра. Однажды к Раневской пришли гости и начали просить ее показать награды. Фаина Георгиевна полезла в комод, где лежала ее шкатулка со всеми наградами, открывает — а шкатулочка пустая!.. Раневская, конечно, в ужасе: «Меня обокрали, мой иконостас расхищен!..» Ну, погоревала, погоревала, сказала, что утром позвонит в милицию. И вдруг в самый неожиданный момент открывается дверь и входит Нюра — грудь вся в орденах и медалях Раневской. Фаина Георгиевна, естественно, интересуется: что все это значит? Домработница в слезах, падает на колени... Короче говоря, выясняется, что Нюра влюбилась в пожарного или шофера и, завоевывая его любовь, решила на свидания надевать все регалии Раневской, чтобы он проникся к ней уважением...

...Вера Петровна Марецкая однажды подошла ко мне: «Я так волнуюсь, я должна читать Тютчева, а очки забыла. Пожалуйста, помогите мне покрунее переписать текст стихов!..» Я очень быстро каллиграфическими буквами все переписал. Вера Петровна великолепно все прочла, потом проводила меня на сцену... Я вышел, начинаю читать пушкинского «Пророка», и вдруг меня как заклинило: вместо «и шестикрылый Серафим на перепутье мне явился», — я отчетливо произношу: «семикрылый». Начинаю сначала. Теперь произношу «восьмикрылый Серафим...» Тут

уже раздалась смешки. Я вижу перепуганные лица Орловой, Марецкой, из зала слышен шепот: «Гена, шестикрылый...» Я говорю: «Все. Буду читать другое стихотворение».

Ростислав Янович Плятт. Для кого-то это был просто Плятт, кто-то называл его Слава, Славик, Ростик, Пляттик. Для меня он был Ростислав Янович.

Мы встретились с ним на сцене

не в опальной тогда пьесе Виктора Розова «В дороге». Плятт был брошен на небольшую роль отца, чтобы как-то укрепить и обезопасить спектакль от ожидаемых нападков. Я тогда только адаптировался в коллективе, и Плятт очень помог мне в этом трудном деле.

...Однажды он выступил на моем творческом вечере в Доме актера после парижских гастролей. Зал взорвался аплодисментами.

Вера ПЕТРУСОВА

когда Ростислав Янович вышел на сцену. «Этот малый из СССР в красном пиджаке покорила Париж! — сказал он. — Вы думаете, почему? Просто в Париже ни у кого не оказалось такого пиджака...»

За кулисами, смущенный, благодарю за участие в вечере, а Плятт очень просто отвечает: «Да что ты, дружок, я сказал то, что подходит к данному случаю». Он всегда очень хорошо чувствовал ситуацию, не говоря о том, что был чрезвычайно отзывчив на просьбы актеров.

На высоких приемах Плятт был подчеркнуто изыскан, галантен, дипломатически осторожен. До сих пор для меня остается загадкой, что уберегло его — человека «на виду» — от членства в КПСС, от роли «маховика», работающего на «благо» театра по партийной линии.

В одном из спектаклей Плятт выступал в гриме — бороде и усах. Мизансцена такова, что он стоит к зрителям в профиль. Однажды он наклеил только один ус и половину бороды и в таком виде предстал перед своей партнершей Марецкой. Она от смеха не могла произнести ни слова. И Вера Петровна решила ответить проделкой на проделку: она обошла Плятта так, чтобы он вынужден был повернуться к зрителям лицом. Плятт, насколько не смущаясь, взялся за щеку рукой, закрывая незаклеенную сторону лица, и со словами: «Что-то у меня зуб побаливает», — величественно удалился.

Однажды Плятта разыграл я. После спектакля «Аплодисменты» мы устроили легкий «междусобойчик». Плятт читал озорные стихи, предназначенные для узкого круга. А я в то время увлекался радиотехникой, всюду носил портативный магнитофон. Ростислав Янович закончил чтение, и кто-то сказал ему: «А вот у Гены магнитофон, он, наверное, все записал». Когда все разошлись, Плятт кинулся ко мне: «Выкуп какой?» Мы дошли до значительной суммы, и, когда ударили по рукам, я не выдержал, рассмеялся и отдал ему совершенно чистую пленку...